

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

Ю.А. ВАСИЛЬЧУК

Социальное развитие человека в XX веке. Фактор денег

Начав анализировать процессы преобразования человека эпохи НТР, прежде всего, я затронул тему воздействия "фактора труда" [Васильчук, 2001]. Но была и "вторая рука", подчас насильственно осуществлявшая тот же процесс, - деньги.

Как известно, изобличение власти денег как социального и духовного зла - одно из общих мест Библии, гуманистов мировой литературы, социологии. В то же время нобелевский лауреат Дж. Гэлбрейт уже изучил вопрос "куда девались деньги?" [Gelbraith, 1975], а один из ведущих специалистов вузовской науки показал, что куда-то уходит и все товарное производство, вместе с "экономической формацией" [Иноземцев, 1998]. Словом, стоит ли заниматься этой грязной и даже "отживающей" материей? Однако во всем мире огромная масса денег *бушует сегодня, как никогда, и современную историческую роль этого фактора трудно переоценить*. Особенно очевидно это в условиях российской реформы, когда решения самых насущных проблем упираются не в отсутствующие, а в неработающие деньги. Надо осознать, что сегодня знания того, как они могут и должны работать, не менее важны, чем сами деньги. Для этого наиболее существенно рассмотреть, прежде всего, типичные формы их позитивного воздействия на мир человека.

Проблема понимания социальной роли и существа денег необычайно сложна не только и не столько потому, что в разных *конкретных ситуациях* их роль совершенно различна. Главное в том, что сама тема "деньги" удивительно запутана в вековых спорах. Все становится гораздо проще, если увидеть, что в разные эпохи и в разных регионах действуют четыре совершенно разные типа денег, с разными источниками возникновения, разными главными функциями, законами и формами движения, не говоря уж об их облике и социальной роли.

Задача облегчается тем, что некоторые итоги исследования социальных функций (т.е. существа) двух новых типов денег, изменивших в XX веке лицо экономики и общества (социальных и электронных денег), уже были опубликованы [Васильчук, 1995, 1997], а основные функции третьего типа (промышленные деньги) известны еще с XIX века. Более трудная проблема возникает при осознании, что "работает" и четвертый, пока просто не замечаемый нашей наукой, тип денег, сыгравший большую роль в становлении цивилизованной экономики России и целого ряда других стран. Роль четырех типов капитала (промышленного, социального, информационного

и политического) как мощных "моторов" социального развития, функционирующих на основе разных денег, лишь кратко охарактеризована в отмеченной статье [Васильчук, 2001]. Там же можно найти краткий анализ ряда наиболее важных для понимания социальной роли денег проблем¹. При учете всего этого и возникает итоговая картина воздействия на человека "фактора денег". Однако роль информационных (электронных) денег здесь еще лишь намечена.

Чтобы отделить друг от друга основные типы денег и понять их роль в развитии человека, необходимо вначале рассмотреть каждый тип в идеале, в "чистом", модельном плане. Деньги различны потому, что они обслуживают движение разных типов богатства и их функции должны соответствовать этим разным процессам.

Гигантская социальная революция XX века

Даже сегодня мало кто учитывает, что главным "горючим" социальных изменений прошедшего века стали новые интересы и потребности людей. Создавая новые рынки и новые отношения, они разлагали прежние устои производства и жизненного уклада, "извлекали" огромные массы людей из привычных, обжитых, "теплых" мест. Главным мотором этих процессов и сегодня являются деньги.

"Проклятые деньги" вторглись во все поры прежних отношений и разрушили **столь желанную** людям стабильность прежнего уклада жизни. Общественные науки России пока не оценили значение того факта, что само создание основной массы потребностей семей в XX веке оказалось связанным с рыночными отношениями. Потребности получили денежную форму, *форму денежных ресурсов населения*, свободно выбирающих "свой товар", т.е. форму спроса конечных потребителей. В этом виде они обрели огромную гибкость, подвижность, невероятную скорость смены, развития и трансформации, мощь воздействия на человека и общество.

Кардинально изменилось богатство потребностей, **главное богатство цивилизованного человека**. При этом нередко он лишается счастья и привычного ранее покоя. Власть денег стала "размножать" острейшие желания. "Преображение" - самый точный термин, отображающий результат кардинальных изменений человека в рассматриваемой сфере, создавших целый веер принципиально различных типов потребителей, сосуществующих сегодня друг с другом. Рассмотренный ранее "фактор труда" в городах давал людям надежду и новую жизнь. *Деньги губили жизнь старую*.

Потребности и в натуральном хозяйстве обладали огромной властью над людьми, часто до предела мобилизуя их волю, противопоставляя друг другу и толкая на самые невероятные поступки. Если бы процесс смены и удовлетворения новых потребностей был продуктом только такого столкновения враждебных волей, то итогом стало бы увековечивание крайне жестокого общества всеобщего насилия и всеобщей нужды, общества порабощения слабых и культа силы. Длинная череда таких обществ действительно прошла в тысячелетиях истории человечества и не исчезла сегодня. И все они характеризуются медленной сменой традиционных потребностей масс и весьма вялым процессом социокультурного развития.

Современная денежная форма потребностей приняла всеобщий характер в результате двух взаимосвязанных глобальных, **вызванных "фактором денег"** социально-экономических процессов, создавших в XX веке новую, иную, чем прежде, форму и среду жизнедеятельности человека. Во-первых, это был переход от самостоятельной работы к труду по найму, в коллективе и под контролем. Во-вторых, шел мощный процесс урбанизации, развития большого города и такой же кардинальной смены быта, укладов и образа жизни.

¹ Необходимо подчеркнуть возможность и неизбежность иных подходов и оценок анализируемых процессов при учете последствий влияния ряда других факторов, невозможность разностороннего исследования в рамках данной статьи проблемы "цены" новых черт социального "рыночного" развития человека XX века (особенно актуальной для современной России) [Гордон, Клопов, 2000].

Еще в начале XX века даже в 9 ведущих индустриальных странах Запада лица, **работающие по найму**, не составляли большинства занятых (43%). К 1950 году круг таких стран резко расширился, а работающие по найму составили там 66% населения. К 1980 году эта цифра возросла до 81%, или 270 млн человек. В развивающемся мире число работающих в аналогичных экономических условиях в том же году составило 300 млн - больше, чем на развитом Западе. Все это означало кардинальное изменение основных производственно-экономических отношений, полную перестройку экономической и классовой структуры общества, полномасштабно развернувшихся лишь к середине XX века.

Масса свободного и работающего по найму населения сконцентрировалась в городах и пригородных поселках. В 1800 году **городское население** мира составляло менее 30 млн человек (около 3% всего человечества), в 1900 году - около 130 млн (13,6%). Но в 1950 году горожанами были уже почти 700 млн (28,2%), а в 1970 году - 1343 млн (38,6%) [Брук, 1981]. Взаимосвязь двух процессов очевидна: экономически наиболее развитые регионы мира лидировали в этом процессе. Особенно быстро росло число городов-миллионеров - центров массового образования и культуры (в десять раз за 75 лет XX века), и страны с наибольшим весом крупных городов ушли далеко вперед в экономическом и социальном развитии (США, ФРГ, Япония).

Произошло кардинальное изменение, революция в образе жизни, в **социальной структуре** населения. В результате развития "средних слоев" вокруг созвездий таких городов "на Западе" уже к 1975 году образовались сливающиеся друг с другом мегаполисы: Северо-Восток США (площадь - 100 тыс. км², протяженность - 800 км, население - 45 млн), Приозерный в США (160-900-35), Калифорнийский в США (100-800-18), Токайдо (районы вокруг Токио) (70-700-55), Английский (50-400-35), Рейнский (60-500-30). Таким образом, более 200 млн человек сконцентрировано в пяти мегаполисах, каждый из которых связан в единое целое густой сетью автострад и автодорог и обеспечивает огромную свободу передвижения и жизнедеятельности автомобилизированному населению, огромный простор личностному развитию человека. Всего лишь за один век мир изменился кардинально: вместо полузависимых и малограмотных крестьян, трудящихся на своих наделах с детьми и другими "помогающими членами семьи", возник свободный и информированный горожанин, работающий по найму и отдающий свою зарплату семье. Как известно, в итоге сменились и политические структуры.

В основе этих процессов лежит возникновение **массового цивилизованного потребителя** все новых форм, результатов и достижений труда. Его характеризуют, во-первых, превращение семьи в духовно-эмоциональное благо *par excellence*, в единственно эквивалентную форму потребности [Васильчук, 1990]; во-вторых, внутрисемейный сдвиг спроса в пользу будущего поколения. В двух данных фундаментальных процессах и заключается **сущность цивилизованного способа потребления** в известной мере вне зависимости от конкретного содержания набора полезностей, потребляемых в то или иное время, в тех или иных странах. На этой основе, в-третьих, возвышаются сами полезности от материальных ко все более социальным, культурным и интеллектуально-духовным.

Первая черта маскируется огромным разнообразием новых потребностей, потребительских стоимостей и услуг, нетрадиционных интересов и развлечений. Этот калейдоскоп скрывает *превращение потребности в семье и в любви в великое духовно-эмоциональное благо, в страдание, цель и смысл жизни огромной массы людей*. Меняется привычное отношение к семье как к средству хозяйственной деятельности или продления рода, обеспечения старости и т.д.

Да, семья, как и раньше, несет и счастье, и страдание человеку. Да, традиционный институт брака переживает кризис. Но если теперь, когда зарплата одинокого мужчины открывает ему доступ ко всему миру соблазнов, он многими заботами строит семью, основанную на любви, то это значит: любовь, как Бог, действительно

пришла в его душу. Это уже не бессильная любовь раба или слепая любовь родителя. Это любовь, преобразующая человека, вновь творящая его "по образу и подобию" Бога.

Второй трансформационный процесс не только скрыт в недрах первого, но и имеет свою собственную экономическую оболочку. Между тем его великое значение, возрождающее духовность человека, обычно ускользает даже от специалистов. Различия в экономике и образе жизни новых семей свободного работника-горожанина в разных регионах земного шара в начале и конце XX века трудно преувеличить, но есть нечто принципиально общее: огромное перемещение спроса внутри самих семей от "сильных", зарабатывающих деньги членов семьи к самым "слабым" - детям. Так, в США в 1975 году эта внутрисемейная смена потребностей составила свыше 500 млрд долл., т.е. около 1/3 ВВП. Поскольку индивидуальное потребление в целом составляло тогда около 68% ВВП, это означает, что внутри самих семей обновила свой облик и содержание почти половина общенациональных расходов потребителей. Сменился "адрес" покупаемых товаров и услуг: работающие по найму мужчины, имеющие возможность вести "легкую и красивую жизнь", передают зарабатываемые деньги семье как духовно-эмоциональному центру своей жизни, а семья **вкладывает их в новое поколение**, обеспечивая ему доступ к благам цивилизации и поднимая на более высокую ступень общество.

Это внутрисемейное перераспределение средств *многократно превышает все государственные программы помощи бедным и слабым*. И определяющий его элемент - самопожертвование женщины, которая и в качестве замужней домашней хозяйки, и в качестве самостоятельной главы семьи выступает как "чистый донор" (особенно, если полностью учесть ценность ее домашнего труда), "чистый добытчик", отказывающийся от собственных "относительных" потребностей в пользу абсолютных, смысл которых в продлении и цивилизации детства новому поколению детей.

Общеизвестна роль преобразующей человека исторической тенденции **одухотворения потребностей** (третья черта цивилизованного потребителя). Экономическая форма, в которой реализуется этот процесс, - *гибкость денежного спроса, непрерывная смена денежного-спроса семей*, еженедельный и ежемесячный круговорот денежного спроса", вовлекающий в потребление все новые потребительские стоимости. Такая трансформация содержания спроса означает ежедневный выбор огромной массой людей более важного и в итоге - более возвышенного: приоритет потребностей развития культуры семьи и молодежи.

Гибкость, мобильность, изменчивость денежного спроса означают непрерывное формирование все новых потребностей, отступление и смену старых, менее развитых. Процесс ускоряющейся, непрерывной смены спроса, отсеивания одних потребностей и утверждения других - процесс стихийной, массовой выработки **нового образа жизни**. Оказалось, что в центре его стоит тяга к прекрасному, воспроизводство мира "по законам красоты". Поэтому смена потребностей при помощи денег оказалась и трансформацией потребностей. Ее можно охарактеризовать как **трансформационный способ потребления**, меняющий человека и его мир. Экономике, служащую такому потреблению, можно определить как трансформационную, находящуюся в процессе превращения в нечто совершенно иное.

Следовательно, смена спроса была не просто *результатом* рассмотренной выше социальной революции (перехода населения к работе по найму, перемещения его в города, перестройки социальной и классовых структур). Она оказывается скрытой, незаметной, будничной *причиной* гигантских потрясений: меняются потребности -> меняется спрос -> изменяются структура производства и формы расселения -> преобразуются социальные структуры и институты [Васильчук, 1994]. *Деньги стали фактором преображения потребителя, укладов и образа жизни наций, их классовых и политических структур*.

Сегодня эти процессы разворачиваются в гораздо больших масштабах в Китае, Индии и других регионах "третьего мира", *формируя второй "золотой миллиард" человечества*. Вряд ли приходится спорить, что и сегодня все тот же "фактор денег" продолжает раскручивать эти процессы, имеющие **фундаментальное** значение для развития человека XX века. Поэтому наиболее важную для нас, **главную функцию всех типов денег** надо определить как содействие формированию, социализации и цивилизации городского населения Земли, переходящего к работе в коллективах и освоению новых форм труда и быта.

Все видят, что в разных регионах даже западного мира развитие цивилизованного потребителя и его результат выглядят совсем по-разному. Однако в тени пока главное: экономическую форму этих процессов образуют **совершенно разные типы денег**, опосредующие развитие четырех различных *по существу* типов потребителя.

Промышленные деньги и рациональный потребитель

Рациональный потребитель как житель больших промышленных городов, пользующийся не только предоставляемыми ими бытовыми удобствами, но и прошедший школьное обучение и покупающий все более широкий набор промышленных товаров, возник вначале в Англии, а затем - в Германии и Центральной Европе. Крайняя ограниченность средств требовала для удовлетворения **материальных** нужд наиболее рационального использования каждого пенса, пфеннинга или сантима. Рациональность укоренялась в массах не проповедями и пожеланиями, а ежедневной "школой денег", часто не менее жестокой, чем школа фабричного труда.

Процесс этот вел промышленный капитал, стянувший сельское население к заводам, предприятиям и шахтам и связавший их в единое рыночное хозяйство и имевший свой "ген" - **промышленные деньги**. Богатство индустриального общества *выступало* в форме огромного скопления товаров, производимых на базе фабрично-заводского технологического способа производства в "реальной экономике". И роль денег здесь, естественно, выполняла наиболее ценная продукция шахт промышленного капитала - золото.

Владелец золота, заплатив небольшие комиссионные, мог заказать монеты из своего металла. Фактически он и выпускал деньги, а государство, выполняя его заказ, лишь удостоверяло вес и чистоту их единицы. При инфляции золото уходило из оборота, и нехватка денег останавливала рост цен, при дефляции - выходило в оборот, обеспечивая милое сердцу капитала (и отраженное моделями экономической теории равновесия) "стабильное развитие" промышленного капитала начала XX века.

Накопление этого капитала было медленным (из средней прибыли в 12-15%). Объединение денег в дополнительные капиталы осуществляли банки, обеспечивая владельцам процент из этой прибыли, т.е. **кооперирующиеся капиталы делили прибыль**, а вся масса денег вращалась вокруг банков-гигантов и концернов ("финансовый капитал"), обеспечивая лишь очень скромную зарплату работникам.

Первое и главное воздействие "**промышленных денег**" на человека и общество, как известно, заключалось в разорении огромной массы мелких сельских производителей и дворянства, в передвижке населения в города и в переходе к работе по найму. Заработал общеизвестный **механизм экономического принуждения** - система перделки человека фабричным трудом, выработки социально развитой личности, механизм обострения социальных, экономических, политических и военных конфликтов. Тогда-то и утвердился шекспировский взгляд на роль денег.

Простой и нравственно устойчивый мир сельского прихода отступил перед жестким **рационализмом** промышленного города с его новыми требованиями к профессионализму и социальному поведению человека. В этом мире промышленные деньги позволяли надежно сопоставлять эффективность производства разных товаров, применения разных технологий, разных направлений инвестирования и накопления

мощностей. Спрос нарастал по мере расширения потребности в технике и включения в жизнь городов новых континентов мигрантов. Предложение товарных масс само определяло спрос, создавая условия для формирования монополий.

Условие эффективности промышленного капитала достаточно очевидно. Частные капиталы и государственные монополии "индустрии дымных труб" обычно наиболее успешно развивались за счет эксплуатации и рабочих, и потребителей, боролись против зарождавшихся пенсионных систем и профсоюзных прав. Данная ступень развития экономики и общества (как и предшествовавший ей процесс индустриализации) характеризовалась **узостью рынков**, тяжелейшими кризисами, гражданскими и мировыми войнами, рождавшими демократию. Доля наемного работника в создаваемой им стоимости в тот период составляла всего лишь около 35% и обеспечивала только самые основы цивилизованного существования семьи. Трудно нарастала **"социальная составляющая"** зарплат.

Поэтому **политическим** условием роста рынков и прогресса экономики и общества было ограничение "аппетитов" нанимателя в ходе острейшей конфронтации с рабочими, в семьях которых нарастали новые необходимые потребности. Политическую остроту и экономическую эффективность этой борьбе придали левые **классовые** теории "относительного и абсолютного обнищания пролетариата", "паразитизма и загнивания капитализма" и другие, спасавшие рынки от реального загнивания.

Именно в этих условиях проявилось главное и безусловно позитивное воздействие города и денег на человека. Мало кто видит, что в этом вопросе принципиально разошлись Ф. Энгельс (резко обличавший новый город и капитал) и К. Маркс, который характеризовал большой город как мотор цивилизационного развития и отмечал необходимую **историческую миссию** капитала. В то время промышленные деньги лишь начали эту трансформацию. Полностью она проявилась в обществе массового потребления, когда процесс "раскручивали" уже другие - социальные - деньги и совсем иной капитал.

Административные деньги и аскетичный потребитель

Однако почти до середины XX века огромная часть земного шара оставалась вне рассматриваемого процесса. Здесь потребовалось иное осмысление и иные методы развития цивилизации, *целенаправленное* строительство многих тысяч городов, десятков миллионов домов и рабочих мест, сотен тысяч школ и больниц, дорог, водопроводных и канализационных сетей, систем правопорядка, соцобеспечения и т.д. Лишь малая часть всего этого обещала быструю прибыль и привлекала частный капитал. А малограмотные люди сами создать все это заведомо не могли. Работу проделали, в основном, "государевы" деньги, организованные в госкапитал и затрачиваемые "себе в убыток". К ним лучше всего подходит термин "административные".

Административные деньги - бумажные знаки, выпускаемые государством и обеспечиваемые не золотом или валютой, а властной силой государства, *исключающего из товарооборота весь остальной денежный материал*. Здесь деньги тоже дают власть над людьми, но сами они лишь **инструмент** самой власти. Законны платежи только этими **"живыми деньгами"**. Только они находятся в валютном положении, т.е. приравниваются к зарубежным деньгам. Все золото, серебро, чеки, векселя, ценные бумаги - в лучшем случае лишь *суррогаты* денег. Понять их легче в этом "чистом" виде, господствовавшем недавно на одной трети земного шара.

Главный центр движения административных денег - госбюджет, инструменты - госбанк и налоговый аппарат, пользователи - госорганизации, госпредприятия и население. **Главная их функция** четко выявилась в 1918 году, когда выяснилось, что без них государству невозможно наладить учет и контроль производимого в стране. Оказалось, что эту функцию вполне могут выполнять и не золотые, а "фантомные", бумажные деньги. Их создателем, как известно, был В. Ленин, а фискально-денежная

миссия учета и контроля всех доходов и прибылей для определения *должного налогообложения* была возложена на госорганы и банки. Конечно, важны и другие функции этих денег, но они вторичны. Показательно, что даже в конце XX века бывший министр России по налогам и сборам Г. Боос уверенно заявил, что не платящему сегодня налог на прибыль предприятию нечего делать на российском рынке (вне зависимости от его значения для людей или завтрашних перспектив).

Здесь административные деньги оказываются уже **инструментом принятия и реализации решений**. Определяющим решением является выработка госбюджета, его величины, статей и средств их реализации. Эти деньги становятся и средством контроля за соответствием затрат и действий людей **должному** - принятым решениям. Отсутствие связи с золотом и *примат функций информации, принятия решений и контроля* за соответствием сущего должному заставляют сделать неожиданный вывод об их фактически *"нематериальной"*, явно *интеллектуальной природе*, возникшей задолго до электронных денег. Не случайно на их основе задолго до современных электронных денег сформировалась самая широкая система безналичных денег и взаимных зачетов обязательств.

Ушли ли эти деньги в прошлое? Ведь и сегодня в России должное (вплоть до "вмененного дохода") все еще часто определяет динамику сущего и нагружает фискальными функциями банки, даже не пользующиеся бюджетными средствами.

Административный капитал - подходящий термин для определения занимающих господствующее положение в экономике ячеек, "полков" и "организмов" движения административных денег, аналогичных ячейкам промышленного капитала и осуществляющих массу малоприбыльных или просто **убыточных** проектов развития городов, строительства амбициозных комбинатов и дамб, создания вооружения и т.д. В ряде стран историческим результатом активизации этой убыточной формы капитала стало массовое формирование *гражданина и патриота*, т.е. накопление главного "нематериального" элемента новой ступени **политического капитала**, диктующего свои во многом **утопические** представления о материальной, политической и правовой культуре страны. Подобно информационному капиталу, он преимущественно "не материален", так как рождается в мире власти идей, в мире идеалов и виртуальной реальности, стремящейся воплотиться в реальный мир [Васильчук, 2001].

Мало кто понимает, что и сегодня это - *сверхмощные деньги*, фактически выталкивающие частные деньги и большие частные капиталы в **теневую экономику** и даже из страны с "теневой юстицией" - термин президента В. Путина [Путин, 2001]. Работники административного капитала не несут никакой ответственности за свои действия, если не нарушают служебных инструкций. Можно на недели "заморозить" груз на таможне, на три недели опечатать склад, многократно изъять документацию, полностью парализуя фирму и фактически разоряя ее. Дело в том, что капитал, формируемый из этих денег, чаще всего не может "ужиться" с частным капиталом, не заключив соглашения, жестко фиксирующего их отношения. Причем эти условия должны фиксировать не **раздел прибылей**, а в первую очередь **раздел продукции**. Соответствующие законы и принимает Госдума. Неизбежно осознается, что это - принципиально иная "куча денег", не просто бесприбыльная, а **убыточная форма их движения**, которая выживает за счет системы низких заработных плат. Для поддержания такой системы принимается закон о **минимальной заработной плате** (достаточной для содержания в городской семье кота) и "Трудовой Кодекс".

Итоговая оценка его деятельности дается не рынком, а политиками. Конечный критерий такой оценки - не прибыль, а характер, масштаб и качество "освоения средств", т.е. не размер дохода, а **существо затрат**, издержек производства, на которые начисляется нормативная прибыль, а затем и налоги. Этому служит своя система бухгалтерского учета, не понятная западным инвесторам.

Сегодня рядом с административным капиталом частному капиталу трудно, да и не нужно ничего придумывать, изобретать, внедрять. Нужно лишь умело захватывать,

приватизировать накопленное. Так, Госбанк при инфляции в 20-30% может через Сбербанк выплачивать 2% годовых населению и до 200% на сторону - собственникам облигаций. Однако захваченное он или еще более сильные могут вновь "переделывать". Средства не могут быть надежно укрыты в фискальных банках, а следовательно, уйдут за рубеж.

Все дело в том, что в ходе российской реформы оказалась сломанной **третья функция** административных денег, которую И. Сталин считал главной: функция обеспечения **законного перехода ценностей** из государственного сектора в негосударственный, функция законной смены собственника или владельца [Сталин, 1952]. Учет и контроль он уже рассматривал как чисто технические действия, а для принятия решений у него, как известно, были иные средства (сгубившие думающих людей, а потом и все его государство).

В качестве "**средства накопления сокровищ**" административные деньги не столько разоряют крестьянство и мелких предпринимателей, сколько (и это главное) в форме административного капитала создают новые города, железные дороги, школы, больницы, университеты и т.д., цивилизуют, поддерживают и социализируют целые регионы и неконкурентоспособные сферы, недоступные даже бесприбыльным организациям. Хотя административный капитал - затратная форма движения капитала с очень отдаленной капиталоотдачей, исторически связанная с длительными ограничениями денежных доходов населения, но *энтузиазм людей может делать ее эффективной*. Это энтузиазм части граждан позволял государству длительное время удерживать систему примитивных форм труда и низких заработных плат.

Многие государства ООН использовали эту позитивную роль административных денег, когда не работал частный капитал. Как известно, была даже принята концепция "**базисных нужд**" (*basic needs*), обеспечение которых было объявлено заботой государств.

У нас в стране эффективность этих денег была проверена в период индустриализации, в Великой Отечественной войне, в послевоенном возрождении тысяч разрушенных городов и в космической эпопее, в преодолении неграмотности. Не будем забывать об их роли в гигантской социальной революции многих колониальных стран. Да и сегодня Россия с бюджетом в 30-50 млрд долл. имеет количество врачей, учителей, ученых и правоохранителей, число школ и больниц, сопоставимое с их численностью в США (бюджет более 3000 млрд долл.). Характерно, что СССР был вторым после США лидером в развитии урбанизации и почти до середины 1960-х годов - второй промышленной державой мира.

Неэффективность административного капитала так же грандиозна. Рано или поздно он попадает в руки мелких политиканов, душащих демократию и инициативу людей, и начинает наносить огромный ущерб и людям, и экономике, и природе, как это было в невероятной и опаснейшей сорокалетней **паритетной** гонке вооружений нищей России со всем цивилизованным и богатым миром или в бессмысленном торможении в СССР важнейших процессов НТР. Промышленный антиинтеллектуализм, гибель предпринимательства и господство чиновника на долгие годы блокировали здесь Н Т Р [Васильчук, 1996]. Огромные тяготы для семей и идеологическое насилие над наукой и обществом остановили у нас переход к новым типам труда и личностное развитие человека.

Аскетичный потребитель уже в довоенных условиях стал в СССР определяющей формой цивилизованного потребителя, невольным выдвигавшего на первый план не малодоступные ценности разумного быта, а стремление "учиться, учиться и учиться!". В 1960-е годы прежде почти поголовно безграмотная Россия вышла, по данным ЮНЕСКО, на 2-3-е место в мире по интеллектуальному потенциалу и открыла космическую эру. Десятки миллионов детей "черни" смогли переехать в большие города, окончить школу и поступить в институт, найти себе применение в цехах-гигантах, в науке и искусстве. Из зон нищеты и отчуждения пришли "золотые

самородки" великих талантов и множество мировых звезд. Энтузиазм и гордость за свою страну возникают не на пустом месте.

Вместе с тем наши люди и сегодня часто просто не замечают **грязь и нищету** своих подъездов и самих жилищ, убогое качество еды, напитков и кинематографа, жалкое состояние транспорта и системы обслуживания. Они как бы живут в другом мире - мире спорта или науки, политических споров и разоблачений, в мире благих эмоций, противоборства воли, искусства, секса, бытовых и силовых конфликтов. Алкоголь, а теперь и другие наркотики часто искусственно вновь и вновь воссоздают им этот мир и "очищают души". Огромные таланты и рождаются, и растрачиваются в этом желанном мире, когда реальное, необходимое подменяется призрачным, иллюзорным и отчужденным от культуры и даже от общества. Аскетизм такого "спартанского" человека много лет сочетался с его воинственно-героическим отношением к **общим интересам** "народа и государства" и, соответственно, с четким делением всех людей на "наших" и "чужих". При этом энтузиазм и трагическая безжалостность к себе и близким означали укоренение огромной власти **чувства долга и преданности коллективу**. Не случайно величайшим педагогом сталинской эпохи считался А. Макаренко. Мощное **чувство собственного достоинства** элиты основывалось на мысли об исполненном долге, а осознанное отсутствие морального выбора воспринималось как высшая ступень свободы. Человек стеснялся своих чувств к жене и детям, склонялся перед старшими "по рангу" как олицетворением общих, "высших" интересов.

Аскетизм потребностей обуславливал простой, "устоявшийся" характер производства и отношений распределения, простоту экономических расчетов, привычку действовать рутинно или по указке "сверху", отказываться от "неавторизованной инициативы", считать справедливыми **уравнительность и всеобщую подчиненность**. Эта всеобщая роль исполнителя при отношении к делу как к долгу ставила дело выше человека и сочеталась с пиететом к официальному знанию как единственно верному и к государству, стоящему над человеком и обществом.

Передача права принятия решений "вышестоящим" означала отсутствие гражданской ответственности как чувства **личной ответственности**. Последнее возникало лишь при общественном осуждении человека как "бесчестного". Мощь коллективного негодования и потеря чести (или "лица") рождали сильное, репрессирующее "виновного" человека чувство *стыда*, что нередко приводило даже к самоубийству либо алкогольному распаду личности. Чувство *страха* часто оказывало не менее сильное влияние. Однако мощь семьи уже нарастала, меняя сознание и роль денег.

"**Историческая миссия**" **административного капитала** как развития малоприбыльных, но необходимых процессов, дополнялась его ролью поиска более простых и дешевых путей и форм удовлетворения потребностей человека. Промышленный капитал непрерывно рождает все более сложные, дорогие и качественные товары и услуги. Административный *вынужден*, используя новые технологии, производить аналоги много проще и дешевле, доступнее бедному человеку. А это - миллиарды. Но такое положение - лишь идеал, путеводная звезда теорий "устойчивого развития". Реально же для туриста Москва сегодня - один из самых дорогих городов мира, а путевки в отечественные санатории и пансионаты дороже отдыха на элитных зарубежных курортах, несмотря на нищету корпусов и набора препаратов, оплаты врачей и иного персонала.

Административные деньги обслуживают узкий, но стабильный потребительский во многом **предсказуемый рынок**, где население в состоянии купить лишь дешевую и простую продукцию. Но элите мощных госпредприятий "не интересно" и даже действительно *стыдно* зависеть от него. Сложную технически и дорогую продукцию здесь купит лишь государство. Поэтому чем мощнее ячейки административного капитала, тем сильнее запрос на великие стройки и гигантские военные заказы, тем сильнее эти ячейки замыкаются друг на друга и на военное ведомство. Шаг за шагом СССР втягивался в бессмысленную гонку вооружений практически со всем остальным

индустриальным миром и вел ее десятилетиями. Выявилась *огромная мощь административного капитала и огромная опасность подчинения общества этой слепой стихийной силе*. Возобладала идея простой "раздачи" гражданам ее ячеек.

Необходимо видеть, что сама тяга населения к должному, справедливому и честно-му дискредитирует реформу, построенную на сломе третьей функции административных денег. Реформа в КНР, напротив, укрепила эту функцию жестокими наказаниями коррупционерам и расхитителям, сохраняя госсектор и плановые формы движения административного капитала. Но при этом были четко, предельно жестко и благотворно определены правовые границы и гарантии законных действий частного капитала. В итоге реформа "обидела" Россию и невероятно обогатила Китай. Однако мало кто видит более глубокую причину: административный капитал КНР вступил в союз не с **промышленным** капиталом прошлого, а с построенным на социальных деньгах **социальным** капиталом.

Социальные деньги и массовый потребитель

В отличие и от административных, и от промышленных денег, социальные деньги в форме чеков начали выпускать уже сами банки, предоставляя населению кредит на покупку домов, земельных участков, автомашин и различной бытовой техники в размере, **пятикратно** превышающем их собственные резервы. Огромный внутрисемейный труд (вместе с новым уровнем заработков мужчины в отраслях массового производства) фактически вырабатывает **доверие к семьям**, уверенность банков в возврате потребительских и ипотечных кредитов [Васильчук, 2001]. А это доверие само порождает огромные потоки полноценных чековых денег, несопоставимые с имуществом семей, отданным в залог. Ведь и после погашения долгов они продолжают свою "работу", но уже в виде собственного, добавленного капитала банков.

Денежная система наполняется новой "полноценной кровью", горючим для десятков и сотен отраслей, которые, в свою очередь, делают инвестиции и заказывают технику, сырье и полуфабрикаты. Новый рекорд берут цифры национального дохода и заработков. В этом и состоит **механизм развития рыночной экономики**. Если же банковская система обслуживает не семьи и внутрисемейный труд, а лишь бюджет и бизнес, то экономика задыхается от нехватки денег в ее кровеносной системе или от заполнения ее эмиссией все новых, фактически воровских бумажных денег, по сути, являющихся просто новыми налогами на общество.

Материальным воплощением социальных денег и стали гигантские мегаполисы, изменившие весь образ жизни, быт и облик населения. Купленные в кредит дома, земельные участки, автомашины и бытовая техника позволили людям вырваться из грязных промышленных городов, из власти городского криминала и презираемых клик, поделивших сферы влияния, сформировать безопасные, культурные и ухоженные пригороды, комьюнити с цивилизованными муниципалитетами.

Автомобилизация населения как важнейшая составная часть этого процесса не просто подняла территориальную мобильность и техническую грамотность людей. Изменились самооценка и самоуважение человека, его способность быстро решать десятки дел и свежим приехать на работу, объехать десятки фирм и устроиться на новую, познакомиться с музеями и природой в радиусе сотен километров, легко освоиться в любом городе и в любой стране. А вторая машина в семье "раздвинула" возможности женщины и в сфере культуры быта, и в контроле за развитием детей, и в решении проблем саморазвития.

Картины эстакад и сотен мчащихся в разные стороны лимузинов в одних странах и гниющих под окнами старых автомашин в других точно отражают уровни возможностей их владельцев. Это качественное изменение быта означает и перестройку психики людей. **Активизация психики** - преодоление пассивности, заскорузлой малоподвижности, иждивенческой привычки к общественному транспорту, пожирающему

время и приучающему к очередям. Автомобиль вырабатывает ежеминутную волевую готовность, нацеленность на принятие самостоятельного решения, резко повышает "цену времени". Он прекрасный воспитатель объективности и ответственности, быстро наказывающий за нарушение правил и невнимательность. Ежедневный тест на наблюдательность и быстроту реакции создает совершенно иную социальную среду.

Резко повышается *селективная коммуникабельность* человека (контакт с действительно необходимыми людьми), умение действовать в сложных конфликтных ситуациях. Перестраивается даже "градопонимание" основной массы населения: происходит осмысление жизненной необходимости хороших дорог, услуг и потребительского кредита (ранее люди даже боялись "жить в долг").

Телефонизация населения сделала доступными любые необходимые деловые или личные контакты, обмен информацией и принятие быстрых решений. Возникла неизвестная прежде *гибкая "информационная среда"*, резко расширившая возможности и человека, и общества (это также весьма трудно понять, если телефон служит лишь для поздравлений, осведомления о здоровье или болтовни со знакомыми). Эти факты сыграли большую роль в *социализации человека* как потребителя и гражданина, его способности выяснить существо своих действительных интересов и реализовать их в контактах с фирмами, чиновниками и соседями, налоговиками и юристами, полицией и дорожной инспекцией, больницей и школой и т.д. Права человека и судебная защита перестали существовать лишь для избранных.

Массовый кредит, предоставляемый семьям и формирующий динамичную рыночную экономику, *меняет природу самих денег*. Впервые с этой проблемой столкнулся академик И. Трахтенберг, сделавший вывод, что подобные процессы *в принципе* невозможны при капитализме [Трахтенберг, 1962]. Ведь их функционирование создавало реальную перспективу накопления огромного имущества в руках людей, работающих по найму, и преобразования всего быта семей и нового поколения людей, т.е. накопления огромных стоимостей в их рабочей силе. Получалось, что деньги сами в пятикратном размере порождают деньги и создают вне сферы производства *новый источник накопления богатства*, многократно превосходящий прежние и преобразующий всю жизнь людей. То была бы, с позиций советской науки тех лет, "страшная крамола". Но в экономике промышленного капитала данные процессы реализовались стихийно. Новый труд и новые деньги действовали совместно, "двумя руками" преобразуя жизнь людей. В отечественной же экономике для этого требовалось осмысление и политическое решение.

Осмысление состоит в освоении пяти исходных истин. Во-первых, социальные деньги как массовое, доминирующее явление были рождены высокими и устойчивыми **заработками конвейерных рабочих**. Хотя они составляли менее 1/5 от числа занятых в промышленности, на их заработки сориентировались все профсоюзы, они повсеместно создавали угрозу ухода лучших рабочих при плохой организации труда. Возникли и система высоких заработных плат, и принуждение к научной организации труда. Российские специалисты все еще доказывают, что дело не в новых формах труда и конвейерных технологиях, а в стандартизации и автоматизации [Урманов, 2000], разработать которые - задача госорганов и специалистов по технике. Забыто, что в СССР были прекрасные стандарты и планово закупались автоматические линии, но не было научно-организованного труда и массового гражданского производства. В КНР же мало таких стандартов (так же, как и автоматов), но страна выходит в промышленные лидеры.

Во-вторых, конвейерные методы производства оживили мелкие предприятия, **малый бизнес** стал давать до 60% ВВП. В российской науке малый бизнес еще нередко рассматривается как отсталый, а его доля остановилась где-то в районе 5-15% ВВП. Причем в этой сфере у нас стагнировало развитие массового психологически напряженного труда, второго нового типа труда, важного для развития личности и заработков человека.

В-третьих, необходимым фактором была устойчивость банковской системы, гарантируемая государством. В результате банк получил возможность предоставлять клиентам чеки на сумму, пятикратно превышающую его резервы, на многие годы и под разумные проценты. На рынке этим чекам *доверяют* как "живым деньгам", не требуя пачек наличных долларов. Российские же ведомства пока "отстреливают" банки и воюют с чековым обращением как с "неживыми деньгами". Считается, что это укрепляет бюджет и экономику.

В-четвертых, родиной социальных денег была сфера массовой конверсии военных производств. Только благодаря им военная промышленность получила гражданского покупателя сложной техники, а вместе с ним и заказы на сложное производственное оборудование. Как мировое явление этот процесс утвердился после Второй мировой войны. Упорная блокада массовой конверсии в России означала и паралич социальных денег. Административные деньги не получили союзника, развитие новых форм труда остановилось.

В-пятых, в отличие от времен Трахтенберга у наших авторов уже нет необходимости отрицать роль массового кредита населению Запада. Но на смену отрицанию пришли горькие соболезнования трудящимся по поводу их задолженности. Одобряются все достижения Запада, но не массовый кредит населению [Цивилизационный... 1993]. Иной подход А. Козловского не получил пока признания [Козловский, 1968]. В результате наши политики и сегодня питают иллюзии, что можно "обустроить Россию" и даже реформировать ее города и экономику без социального капитала [Стратегия... 2001].

Социальный капитал возникает в сфере обращения одновременно с социальными деньгами. Когда банк предоставляет новые деньги в кредит населению, то одновременно накапливается и его капитал — обязательства граждан, приносящие доход. Однако необходимо понять, что уплачиваемые проценты, образующие доходы кредиторов, их "прибыль" - на деле составляют *"издержки страхования"* кредита, а сама реальная *прибыль* "скрывается" в его возвращении. Ведь банк выдавал кредит "из воздуха" своими чеками или обязательствами, основанными на доверии населения и бизнесменов и многократно превышающими его резервы. Однако вернувшись, эти *погашенные* кредиты становятся новым, *реально заработанным* капиталом банка. Поэтому чем больше задолженность населения, тем быстрее накапливается капитал, тем мощнее производство для населения, тем быстрее переход человека к новым формам труда и быта, тем крупнее банки и инвесторы. Таким образом, сами долги становятся не бременем, а капиталом². Более того, долги становятся социальным фондом. В эпоху промышленного капитала "социальная составляющая" образовывалась преимущественно в самой зарплате или за ее счет. В условиях административных денег - преимущественно за пределами фонда зарплаты в форме государственных фондов. Теперь же *главным* социальным фондом семьи становятся разумно используемые ею заемные средства.

Сегодня различие в доступности этих средств буквально раскалывает Европу: пропасть лежит, например, между Германией, гражданин которой получает кредит в среднем по 8 тыс. долл., и Польшей с кредитом в 28 долл. Немецкая семья из 4-х человек получила в долг нового имущества на 32 тыс. долл. и, вероятно, не меньше уже оплатила. А польская или российская семья при отсутствии этих долгов вынуждены растить детей в совершенно иных, "аскетических" условиях.

Изменился сам характер главного богатства, определяющего благосостояние общества. Если раньше им была огромная масса производимых товаров, то теперь им стало богатство платежеспособного спроса населения, масштабы и динамика внутренних потребительских рынков. Возникла власть массового потребителя, власть рынка. Но это уже не власть денег. Наоборот, поскольку массовый

² Понятие "социальный капитал" у Р. Патнэма и Дж. Коумена еще не связано с движением самих денег.

рынок создается спросом миллионов семей, то это уже **власть социума**, использующего деньги.

Массовый потребитель оказался в центре внимания мощных корпораций. Этим социальный капитал, содействуя развитию человека, *как бы "наслаивается"* на капитал промышленный, "облагораживает" его, во многом раздвигает границы его возможностей. В КНР он "наслоился" и на административный капитал. А возвышение потребностей готовит условия для перехода людей к умственному труду и развитию интеллектуального богатства. *Культура потребления нарастает с годами "работы" социальных денег.*

Но главное, образуясь в сфере обращения, социальный капитал создает **две свои "собственные империи"** в сфере производства, построенные на трех новых типах массового труда. Во-первых, это отрасли массового производства с научно-организованным преимущественно физическим трудом. Во-вторых, это индустрия общественной культуры (большая часть сферы услуг) с преимущественно психологически напряженным или умственным трудом, спрос на которые возрастает по мере становления системы высоких заработных плат, кредита населению и роста культуры потребления. Они-то и дали в 1950-1970-е годы огромный всплеск занятости, изменив всю структуру экономики города и общества [Васильчук, 1998]. Сегодня они меняют облик КНР, Индии и ряда других стран, создавая второй "золотой миллиард", вопреки теории "невозможности догоняющего развития" в современных условиях [Иноземцев, 1999].

Конечно, развитие социального капитала несет свои противоречия. Во многих исследованиях уже показана их масштабность и острота. Внутрисемейный труд часто ограничивает саморазвитие домохозяйки, а **фетишизм материальных и социальных благ**, социального статуса и семейных интересов могут деформировать жизнь людей, ограничить их интеллектуальные и духовные силы. Но для здоровья нации не это главное. Социальные деньги и новые производственные сферы служат развитию и возвышению современной семьи, величайшей опоры красоты и самопожертвования, любви и даже божественного в человеке. Образуемая ими собственность новой нуклеарной семьи является **непосредственно общественной собственностью**, материальной основой реализации важнейших интересов всего общества. Она образовала основу богатства современного города и его средних слоев, создавших **демократическое** гражданское общество.

Семья играет базисную роль по отношению к обеим производственным сферам социального капитала. Во-первых, это главный потребитель их продукции, покупатель, **финансирующий** за счет своих долгов или налогов их устойчивое функционирование. Во-вторых, спрос семьи **задает параметры и стандарты** деятельности обеих сфер, часто сталкивая их между собой и ограничивая их "аппетиты". Закономерности этого были показаны теориями сервисной функции и социальных инноваций [Gershuny, 1983].

В-третьих, семья создает все более развитый **"объект"** деятельности для индустрии общественной культуры, развивающей дальше и сохраняющей многие исходные "адаптивные" характеристики и черты человека, заложенные еще в семьях. Понятливость и прочная память, трудолюбие и честность, доброжелательность и обязательность, культура общения и открытость прекрасному - такие способности и качества человека, вырабатываемые высокой культурой быта и отношений в семьях, создают принципиально новые условия для эффективной деятельности учителя и врача, писателя и артиста, гида и журналиста, священника и телекомментатора, и т.д. В-четвертых, в результате всего этого возникает **активный субъект** новых форм интенсивного и эффективного труда в обеих производственных сферах, их главный производительный капитал. Получается, что для социального капитала семья объективно играет роль, похожую на роль I подразделения промышленного и административного капиталов. В-пятых, семьи **накапливают финансовые ресурсы** и возможности социального

капитала своими депозитами, долгами, заложенным имуществом и невиданным ростом цены земель, на которых они селятся. В результате гигантски увеличиваются активы и обороты банковской системы, ипотечных и коммерческих банков, страховых, пенсионных фондов и т.д.

Приходится сделать вывод, что семья и ее "частное" домашнее хозяйство образуют не только основу, но мотор развития, **"ядро" всей экономики социального капитала**, цементирующее и направляющее его движение. Однако это совсем не идиллия. Так, растущие необходимые денежные расходы городских семей и тяжесть новых неудовлетворенных потребностей в 1970-1980-е годы взвалили на средние слои настоящее бремя "дорогого человека", вызвали кризис семьи, многие социальные бедствия, опасное падение рождаемости и постарение населения [Васильчук, 1991]. *Проблемы семьи стали центральными для развития человека и общества*. Но и в этом вопросе коренным образом разошлись взгляды Маркса (видевшего величие и благородство семьи) и Энгельса, считавшего ее истоком регресса человечества. Сама мощь "марксизма" строилась на этом симбиозе его научной и политической "голов", как это было предсказано еще в 1555 году [Нострадамус, 1995].

Социальные деньги и главное богатство человека

Дорога к пониманию функций социальных денег в российской науке была прочно перекрыта двумя для многих до сих пор живыми непререкаемыми, "абсолютными истинами": **полезности** различных товаров и услуг качественно различны, а потому количественно несопоставимы; потребитель не в состоянии самостоятельно разумно определить главные **потребности** и выбрать свой товар, а зависит от всеисильной рекламы, зависти к соседям, фетишизма вещей и решений производителей-монополистов. Поэтому-то государству можно и нужно "сверху" постоянно решать, что нужно людям, избавляя их от "излишеств". Однако на Западе давно заработала **главная функция социальных денег - мера потребностей**, и потребителю "пришлось" научиться день за днем разумно выбирать из огромной массы все новых товаров в непривычных упаковках и сочетаниях, при непрерывном изменении их цен, качества и моды, делающих эту массу товаров как бы живым, меняющимся миром, причем **при всегда ограниченных средствах**.

Экономисты еще в конце XIX века выяснили, что потребитель **фактически** сопоставляет между собой полезность приобретения различных товаров и услуг на доллар, фунт или марку, т.е. сопоставляет не просто полезности товаров, а их **предельные полезности** как соотношения полезностей и цен товара. В итоге одни потребности отвергаются или получают низкую оценку покупателя, другие оказываются в зоне приоритетного спроса. Этот механизм создает **иерархию цен спроса**, управляющую масштабами производства товаров и их **ценами предложения**, т.е. ценами производства и стоимостями. "Расковывают" оценки потребителя социальные деньги. Поэтому в середине XX века диктат промышленных гигантов ("экономика предложения") сменился на **свободном рынке** Запада диктатом массового покупателя - "экономикой спроса". Однако признание этого в СССР каралось почти как измена.

Но все это лишь полдела, пока не ясны исток и природа **потребностей**, лежащих "внутри" каждой полезности. Если она диктуется извне, то трудно спорить с критикой стихии рынка и предложениями передать определение полезностей товарного мира отраслевым комитетам [Самохвалова, 2000]. Без социальных денег это не утопия.

Но такому подходу противостоят ключевое представление о потребностях как о главном богатстве самого человека и созданная в 1980-е годы **теория трудовой природы потребностей** как продукта огромного внутрисемейного труда, в первую очередь труда женщины и учебы детей. Денежная форма спроса семей, соизмеряя цены спроса товаров и услуг, формирует лишь **материальную оболочку**, в которой выступают эти выработанные потребности, объективно определяет ценность товаров,

их удовлетворяющих, выявляет их разумные "удельные веса" в семейных бюджетах. Выстрадавшие семьей потребности **принимают форму** цены спроса товара или услуги.

Работающий человек передает семье не только свой заработок, но и создаваемые им вместе с банком **деньги свободного спроса** как меру важности для нее различных потребностей и ценности тех или иных товаров, их удовлетворяющих. Иерархия цен спроса имеет "под собой" иерархию не вздорных, а **цивилизированных** потребностей, прошедших массовые тесты на рациональность и гуманизм.

Поскольку потребности, ограниченные жесткими денежными рамками, - "сгустки" наиболее сильных чувств, страстей и интересов, движущих людьми, то большинство из них нельзя "вытеснить", "навязать" или "подавить", не затрагивая всю структуру, иерархию потребностей и ценностей человека, его внутренний мир, существо его самооценки. **Сущность процесса "развертывания потребностей"** в нуклеарных семьях заключается в том, что "более сильный" сам отказывается от части своих потребностей в пользу более важной в его глазах, эквивалентной по затратам средств и труда потребности "более слабого".

Но чтобы потребности разных людей могли "добровольно" относиться друг к другу как относительные и эквивалентные (более важные) и свободно замещать друг друга, их носители должны видеть друг в друге не столько сильную, волевою противостоящую личность, сколько близкого и дорогого человека, испытывать его боль и жить его интересами, т.е. **действительно любить**. Еще не осознано обществом, что массовая нуклеарная семья 1950-1970-х годов - *беспрецедентное явление в истории человечества*, когда любовь стала основой возникновения и смыслом жизнедеятельности огромной массы семей, оградивших себя от общества, от многоопытных отцов и матерей, от грязной городской среды, от разрушительных для любви традиций старого общества (отметим, что современное китайское общество решает фактически именно эту проблему ограничением числа детей в семье).

Соизмерение потребностей означает одновременно и процесс их развертывания, пополнения новыми. Смена потребностей при помощи денег, в рамках определенного дохода является, прежде всего, процессом перестройки и развития **эмоционального и ценностного** мира человека, изменения акцентов его чувственного, интеллектуального и нравственного восприятия мира, его ежедневных запросов и жизненных притязаний [Васильчук, 1990]. Все это оказывает повышательное воздействие на предельную полезность всей массы товаров, дает **импульс к созданию новых отраслей и производств**, к расширению предприятий, найму дополнительных работников и тем самым к форсированному расширению конечных и промежуточных рынков механизмами потребительского, ипотечного и инвестиционного кредита, к расширению спроса домашних хозяйств и спроса на инвестиционные товары, дает зеленый свет биржевому оптимизму. Процесс развития экономики получает самоподдерживающийся, "кумулятивный" характер.

Однако еще более существенно для развития общества воздействие процесса развертывания потребностей на **интеллектуальный мир** человека. "Сталкивающиеся потребности" при ограниченных доходах заставляют семью вновь и вновь продумывать их значение, переосмысливать окружающий мир и свое положение в нем, цели, средства и формы своей производственной и потребительской деятельности, защиты своих интересов и жизненного стиля, свои взаимоотношения с людьми и институтами. Труд общения в семьях наполняется все более сложным миром информации, миром интеллектуальным, требующим обмена мнениями, рассуждений "по делу", спора и даже конфликта. Ежедневно подтверждается, что "желание - отец мысли" (В. Шекспир). Теперь сталкиваются между собой уже не только острые эмоциональные потребности, но и все более сложные интеллектуальные соображения, формирующие здравый смысл. Высокий **эмоциональный мир** нуклеарной семьи своим функционированием возвышает, актуализирует мир интеллектуальный.

Когда развивающийся интеллект такой семьи осваивает мысль, что ее **главное богатство** - дети и что вся деятельность семьи - благородный процесс самоотдачи человека, то **чувство собственного достоинства** получает неискоренимую "бытовую" основу и становится источником новых представлений о должном и достойном. "Где нет любви, там нет правды" (Л. Фейербах), любовь, "материализуясь" в детях, как бы расширяет и "расчищает место" не только для рассудка, но и для нравственных представлений, для деятельного освоения массой людей истин, звучащих многие века в проповедях доброты, доверия и нравственности. Эмоционально высокое порождает **нравственно высшее**. Но при этом и основа семьи - любовь не остается неизменной. Рассудок, чувство собственного достоинства и доверие самой своей способностью корректировать эмоциональный мир, превращая необузданные, "слепые" страсти и чувства в разумные и нравственные, порождая, как было отмечено еще в XIV веке, "благую любовь", "зрячую" гордость, осмысленное терпение, коммуни-кабельность и, главное, **чувство прекрасного** в каждой из сфер человеческой души [Руис, 1991].

Денежная мера ставит богатство человеческой чувственности под ежедневный "контроль" со стороны рассудка и представлений о должном, превращает потребности в **действительное богатство**, воплощающееся затем предметно в многообразии спроса. Экономист, не учитывающий эту главную функцию денег, сохраняет прежние представления о богатстве нации как о потоке или запасе товаров. Такая система "взаимоконтроля" эмоций, представлений и здравого смысла - **мудрость**, раньше возникавшая лишь у отдельных людей и преимущественно к старости. Ведь сам ее источник - любовь свободного человека - был редкостью, а если и появлялся, то легко разрушался родителями, обычаями, средой, нищетой или полурабством. Специалисты не замечают, что ограждающаяся от всего этого нуклеарная семья и ее деньги (как мера потребности) делают "процесс взаимоконтроля" гораздо более регулярным и массовым, ускоряют и "омолаживают" его. Социолог, ставящий современную семью в один ряд с "другими малыми группами", должен принять упрек: "Вы не имеете понятия о скрытом и огромном очаровании и мощи того, что называется семьей" (Г. Гессе).

Семья получает в этом деле от общества "подсказку", помогающую правильно соотнести потребности, - **стандартный семейный бюджет**, различный для разных фаз развития семьи, в котором все полезности фактически уже выровнены специалистами на 1 долл. цены. Каждая из отраслей массового производства стремится (не только рекламой) включить в него свой продукт. Но восприятие и реализация семьей этих стандартов лишь со стороны представляется отчуждением, бездуховностью (часто такая критика фактически защищает интересы ВПК или авторитарного государства). Такую же "подсказку" получают и профсоюзы, добиваясь оплаты труда, достаточной для покрытия стандартного семейного бюджета.

В этой функции деньги выполняют труднейшую роль инструмента преодоления привычных представлений людей о ценности товаров и услуг, прежних традиций и стереотипов потребления, культуры быта. Периоды постепенного и незаметного развития этого процесса сменяются "обвальными", кумулятивными, когда одна потребность может утвердиться лишь в сочетании с целым рядом других. Вытеснение прежних представлений может блокироваться рекламой, привычками и старой структурой производства, требует подвижности всей системы цен, т.е. "революции цен" или **мощной инфляции**. Совмещение такой инфляции с разрушением старых отраслей производства (стагфляция) расчищает путь для перестройки системы потребностей и последующего подъема производства, нередко при этом потрясая основы существования большой массы людей, как это происходит в современной России. В более сложных условиях деньги, как и труд, оказываются инструментом формирования **первой в главной черты социально развитой личности** - постепенного осознания человеком своих фундаментальных жизненных потребностей, интересов и жизненных притязаний своей семьи и детей, как своего главного богатства.

Деньги как средство удовлетворения потребностей и смены спроса

Для удовлетворения потребностей семьи необходим непрерывный, постоянно возобновляющийся поток **реальных** (а не идеальных, как в первой функции) денег, обеспечивающий постоянное обновление и смену полезностей. Этот оборот и смена полезностей при помощи денег образуют сущность обращения и смены конечного спроса.

Поток полезностей, поступающих в семью, должен соответствовать уровню ее потребительской деятельности, уровню цивилизованности ее потребления. Это зависит от соотношения скорости развития двух самостоятельных процессов. Во-первых, от динамики **доходов** семьи, определяемой изменениями в квалификации работника, представляющего семью на рынке труда, количества и качества "продаваемого труда", полученных кредитов и изменения других доходов семьи. Во-вторых, от развития **культуры** семьи и ее потребительской деятельности, динамики массы и качества необходимых для этого товаров и услуг, изменения их цен.

Если первый процесс существенно обгоняет второй, в семьях могут появиться значительные средства, затрачиваемые на "престижное" и даже **расточительное потребление**. В цивилизованной фискальной системе налоги ложатся, прежде всего, на такие семейные расходы (превышающие определенный уровень), не подавляя доходность от инвестиций и саму инвестиционную деятельность. При опережающем развитии второго процесса (при недостаточности доходов семьи) начинает деформироваться весь ход ее потребительской деятельности. В результате страдают культура, психика и даже здоровье членов семьи.

Соотношение этих процессов отражается в **индексе экономической обеспеченности** (ЭКО), рассчитываемом как отношение дохода к потребностям и показывающем, какую часть потребностей покрывает доход или насколько он превосходит стандартные потребности соответствующей семьи. Один и тот же факт может оказывать различное влияние на составные формулы индекса ЭКО. Так, заключение брака существенно повышает доход, но и увеличивает потребности, рождение ребенка увеличивает потребности, но снижает доход (чаще всего из-за ухода с работы матери). В период быстрого развития поточно-конвейерных технологий гражданской промышленности средний душевой доход в Западной Европе, Северной Америке, Японии, Австралии резко возрастал. Так, в США с 1950 по 1970 год он вырос на 40%. Однако необходимые (и хорошо известные семьям) потребности, исчисленные Бюро трудовой статистики США, возрастали еще быстрее, и разрыв между ними и заработком мужчины в нуклеарной семье становился все более нестерпимым. В 1949 году он составил 18,7%, в 1950 - 20,8%, в 1959 - 24,5%, в 1969 - 32,7%, в 1975 году - 41%. В целом, по расчетам Н. Рыдванова, в обрабатывающей промышленности США к 1970 году средний заработок покрывал лишь 65% стандартных потребностей, в текстильной - даже 50%. Но и в таких условиях выработка новых потребностей внутрисемейным трудом общения была великим, счастливым процессом. Что же касается их удовлетворения - это тяжелейшие будни "примирения" сталкивающихся реальных нужд. Но это и **механизм принуждения к браку и большому кредиту**.

В данной функции денег процесс взаимодействия эмоций, представлений и здравого смысла переходит в сферу реальных действий, в сферу формирования и проявления **доброй воли**. Выше отмечалось, что смена потребностей в семье выступает не столько как результат столкновения противостоящих волей, сколько как продукт индивидуального, глубоко личного, добровольного отказа от своей потребности в пользу другой, осознанной как более настоятельная. Этот общий эмоциональный (а затем интеллектуальный и нравственный) мир создает основу и источник их ежедневной общей воли, формирует центр ежедневных общих действий - "**коллективную личность**". Меняющаяся потребность выступает как спрос уже коллективной личности, как коллективное волевое решение, в котором воплощается общий душевный мир семьи.

Но это лишь "идеальный случай", полуправда. Объединение в единый коллектив двух и более свободных людей с непрерывно развивающимися потребностями, людей, переосмысливающих мир интеллектуально, нравственно и эмоционально, неизбежно усиливает потребность как индивидуальное, глубоко личностное отношение, как импульс личности, осознающий свою самоценность. Принципиальное отличие современной нуклеарной семьи заключается в том, что в акте совместной воли люди должны признавать друг в друге равноправного участника общего решения. Это означает, что здесь перед нами "консенсусный" надличностный центр принятия решений — **коллектив самостоятельных личностей**, в котором возможно острое столкновение воли. Безоблачный союз сердец является в самой своей основе деятельностью конфликтной. "...Лишь семья как целое составляет личность", - писал Гегель, характеризуя патриархальную, традиционную семью. Нуклеарная семья самим процессом своего развития становится то коллективной личностью, то союзом самостоятельных, сталкивающихся личностей.

Почти каждый существенный "конечный продукт" внутрисемейной деятельности - результат "*плодотворного конфликта*" разных чувств, потребностей, разного понимания путей и средств, конфликта систем ценностей. Каждый такой конфликт, преодоленный любовью, здравым смыслом или совестью, восстанавливает семью и как коллективную личность, и как союз свободных людей. Каждый непреодоленный серьезный конфликт деформирует эти сущностные силы человека, глубоко ранит его. В этом естественная повседневная школа зрелости и богатства человеческих отношений, **школа человеческого благородства** (мудрости в действии), которое поднимает человека до самопожертвования, учит уважать интересы и права другого.

Многие факторы делают данный конфликт по форме то острым и даже скандальным, то скрытым, деликатным, интригующим, заставляют негодовать или страдать, "переосмысливать" себя и мир, прощать и любить, думать о спасении в разводе даже при наличии детей. В этом, крайнем случае отчетливо выявляется *огромная экономическая ценность коллективной личности*. Развод оказывает сокрушительное воздействие на экономический статус женщины (даже если она работает), резко снижает благосостояние детей. Разрушаются нормальные условия жизни и мужчины. Необходимость заново создавать домашнее хозяйство, лишение заботы и цивилизованного быта, стрессовые ситуации - все это снижает работоспособность и делает жизнь разведенного в среднем существенно короче. Выясняется, что нуклеарная семья 1950-1980-х годов - не только самоцель, но и важное экономическое средство цивилизованного существования человека.

Важнейшим фактором, активизировавшим конфликт в нуклеарной семье (при одном работающем), стало снижение индекса ЭКО. В США в 1949-1975 годы этот показатель (учитывая заработки только мужчины) снизился с 80% до 60%. Доля граждан, считавших себя счастливыми, согласно опросам, также упала на 20-30% (несмотря на 40-процентный рост доходов).

Часть снижения индекса ЭКО компенсировалась добровольным дополнительным трудом женатых мужчин (которые работают в среднем на 20% больше, чем неженатые), часть - нараставшим до крайних пределов добровольным домашним трудом замужних женщин, намного превысившим работу мужчин на производстве (в среднем они были заняты до 70-80 часов в неделю в крупных городах США, Франции и Англии). И все же, если чувства живы, именно эти люди день за днем "живут настоящей жизнью и делают настоящее дело" (Г. Гессе).

В этом тяжелейшем испытании нехваткой денег формируются **сообщества волевых людей**, осуществляющих производство новых поколений, граждане, живущие не только "по законам красоты", но и по законам благородства в той мере, в какой новые поколения впитывают в себя лучшие качества родителей. Взаимодействие двух первых функций социальных денег оказалось механизмом восстановления в человеке "образа и подобия Бога". Но одновременно этот же механизм и "поедал" стандартную нуклеарную семью. В 1950-е годы 70% семей в США состояло из работающего мужа,

неработающей жены и 2-х и более детей. К 1982 году таковых осталось 12%. В 60% семей стали работать и муж, и жена. Произошел третий по значению (после урбанизации и роста наемного труда) социальный феномен XX века - **массовый выход женщин на рынок труда**. Заработки женщин составили более 30% доходов семьи (в США - 37%) и "достраивали" семейные бюджеты до стандартного уровня.

Самоотверженность женщин, взявших на себя двойное бремя труда, компенсировало ослабление роли индустриального конфликта. Преданность семье и личностное развитие женщины "испытывалось" муками по поводу оставленного дома безнадзорных детей, часто унижительным положением на производстве, дискриминацией в оплате труда, неблагодарностью детей и мужа. В труднейшей школе жизни мужчина и женщина также вырабатывают **вторую черту социально развитой личности** - освоение эффективных путей и средств законной защиты и реализации своих жизненных интересов.

Деньги как средство "накопления сокровищ"

Эта функция социальных денег специально названа созвучно с одной из функций промышленных денег, поскольку здесь также на какое-то время происходит их "выпадение" из текущего обслуживания спроса для последующего вовлечения в этот процесс при определенных условиях. Накапливаемые деньги подготавливают, страхуют, гарантируют будущий спрос и будущее воспроизводство.

В данной функции деньги выступают как бы в "трех ипостасях". Прежде и очевиднее всего в накопленном семейном доходе, не входящем в процесс потребления, в создании ряда внутрисемейных активов. Во-первых, это большая масса депозитов населения в банках, обеспечивающая десяткам и сотням миллионов мелких вкладчиков доступ к покупке товаров в кредит. Часть накапливаемых средств вкладывается в **акции**, что обеспечивало уже в конце 1980-х годов значительную часть инвестиций в экономику Запада. Во-вторых, это **пенсионные полисы**, обеспечивающие семейный спрос и продолжение воспроизводственного процесса после возрастной "амортизации" рабочей силы. Масштабы пенсионных фондов столь велики, что они стали собственниками значительной части производственных мощностей. Такая замена индивидуального частного собственника пенсионным фондом даже получила название "социализма пенсионных фондов" [Ducker, 1976]. В-третьих, это различные **страховые полисы**, деньги которых поступают обратно в семью в случаях каких-то происшествий (авария автомашины, пожар в доме, болезнь одного из членов семьи, потеря работы, стихийные бедствия и т.д.). При этом страховые компании аккумулируют невиданные капиталы.

Все это образует основу индивидуальной **системы социальной защищенности** семьи или обеспеченности ее существования (что Энгельс считал принципиально несовместимым с капитализмом). Более 60% производственных инвестиций обеспечивается сегодня этой функцией "накопления сокровищ" в семьях. "Выпадение" данных денежных средств из внутрисемейной деятельности, переход их в руки банков и соответствующих фондов и компаний оживляют экономику, создают новые рабочие места и тем самым укрепляют доходы семей.

Велико значение этих средств в стабилизации "жизненного цикла" семьи, сглаживании кризисных колебаний в ее текущих доходах. Однако еще большее повседневное значение они имеют как *средство самоутверждения свободного человека*, его уверенности в себе и в своем будущем, для преодоления чувства зависимости от "хозяев жизни" и обстоятельств, для создания "счастливой" атмосферы в семье. Да и на производстве владение даже малым числом акций способствует изживанию психологии отчуждения, заставляет чувствовать себя "собственником".

"Вторая ипостась" денег в функции накопления сокровищ заключается в **накоплении цивилизационных потребностей**. Деньги с их возможностями ежедневного выбора перемещают спрос на все более сложные, "высокотехнологичные" товары даже при

прежней экономической обеспеченности семей. Экономия на важной статье расходов - питании - ради приобретения автомобиля, предметов длительного пользования, а затем и предметов культуры, стала и осевой линией, и главным измерителем этого накопления. Сам **уровень бедности** в ряде стран стал определяться структурой семейного бюджета, в котором на питание идет более 1/3 потребительских расходов.

Накопление новых платежеспособных потребностей стало решающим фактором НТР и развития высокоприбыльного (в обрабатывающей промышленности) массового поточно-конвейерного производства и процветания вначале Северной Америки и Швеции, затем западноевропейских стран и, наконец, Японии и "малых драконов" Дальнего Востока. *Социальные факторы сомкнулись с экономическими*, обеспечивая переход на новую ступень развития цивилизации [Васильчук, 1996]. Деньги в этой функции накапливают потребности не только "реально", при своем "наличном бытии", но и "идеально", в своем отсутствии. Смена и накопление потребностей в условиях жесткого лимита в виде семейного дохода неизбежно означают **накопление нереализованных потребностей**, внешне не имеющих первостепенного (или сиюминутного) значения для семьи, но оказывающих непрерывное воздействие на психику ее членов. Так, "Великая мечта" об автомобиле, собственном доме или семейном враче, нереализуемая из-за нехватки денег на более насущные нужды, заставляла людей браться за самую трудную работу, преодолевала их инертность, подстегивала трудовую и социальную активность, участие в профсоюзной жизни и в производственных конфликтах. "Запас" нереализованных потребностей заключает в себе огромную энергию людей, "высвобождает" их дремлющие жизненные силы. Однако за определенным пределом накопление нереализуемых потребностей — проклятье для семьи, ее горе и разрушение. Для простой, малоподвижной рабочей силы, "прикованной" к одному заводу, это мучительно даже в нерыночной экономике.

Накопление нереализованных потребностей имеет еще два важных социальных последствия. Во-первых, это мечта родителей увидеть их осчастливленными своими детьми и стремление подготовить их для этого, дав хорошее образование. Здесь один из самых сильных импульсов возвышения потребностей семей, живущих даже в трудных экономических условиях. Во-вторых, осознание семьями своих нереализованных потребностей часто блокирует паразитическую и антиобщественную растрату средств. В условиях демократии это проявляется в *противостоянии избирателей милитаристским и другим паразитическим расходам государства*. Особенно сильно давление избирателей проявилось сразу же после Второй мировой войны, когда резкое снижение военных расходов открыло дорогу удовлетворению потребностей населения на товары длительного пользования и дало толчок становлению первой ступени НТР.

Третья и главная "ипостась" этой функции - инвестирование средств в самого человека, **формирование "человеческого капитала"**. Главное сокровище нуклеарной семьи — ее дети. Затраты на их воспитание и обучение воплощаются в растущем ребенке и навсегда выбывают из процесса воспроизводства доходов семьи. Этот "ступок" денежных и трудовых затрат как настоящее сокровище уйдет из семьи и станет главным самостоятельным ресурсом будущего развития экономики, функционирования уже другой семьи.

Гигантски ускорился процесс накопления знаний и культуры во многом благодаря тому, что денежный механизм создал возможность приведения всех этих затрат за многие годы к единой сумме, обобщающей инвестиции за 18-20 прошедших лет. Стала возможной оценка их итоговой величины, как если бы эти инвестированные средства ежегодно уходили на банковский счет и приносили банковский процент при гарантии от инфляционного обеспечения вклада и доходов (как это реально происходит с другими производственными капиталовложениями). В результате получается огромная величина "сокровища" - денежных средств и человеческого труда, реально вложенных в **прошлом** в человека и гарантирующих его **будущие** устойчивые доходы, а тем самым и доступные ему потребительские расходы **сегодня**.

Кардинально меняются ресурсные возможности продуктивного функционирования человека, который выходит из этого процесса капиталовложений принципиально иным работником. Ведь издержки его подготовки - **трансформационные издержки**, превращающие его в человека будущего.

Однако самая общая формула капитализации затрат не учитывает множество вещей. Так, она "не замечает", что забота о ребенке начинается задолго до его рождения и отнюдь не заканчивается по достижении им 18-20 лет, что многие другие расходы семьи участвуют в этом процессе инвестирования, если не прямо, то косвенно. Фактически **почти все расходы семьи** в годы формирования детей и молодежи необходимы для психического, интеллектуального и нравственного здоровья нового поколения. Каждое поколение, прошедшее через такой процесс капиталовложений в человека, несет в себе огромную **новую добавленную стоимость**, создаваемую в семьях и реализуемую в будущих заработках этих людей, способных к сложному или творческому производственному труду.

И все же главным в развитии молодежи остается выработка навыков потребления знаний и сокровищ мировой культуры. Поэтому всю эту функцию денег точнее назвать не накоплением, а **"потреблением сокровищ"**. Это становится особенно очевидно, когда ее действие насильственно обрывается. В российских условиях трудно спорить, что обязательная послешкольная армейская служба в значительной мере разрушает итоги развития личности и подготовки сложной и научно-творческой рабочей силы, приучая молодежь к состоянию подчинения. Огромные затраты и инвестиции семей в творческие способности нового поколения в значительной мере обесцениваются, уничтожая новую добавленную стоимость.

В этой функции деньги также содействуют **сущностным процессам** нуклеарной семьи. Чувство огромной значимости и полезности своего труда неизбежно возникает на каком-то этапе развития семьи, затем созревает понимание честно выполненного долга и удовлетворение осуществлением своего призвания. В Библии эта беззащитность "собственных нужд" сильного перед нуждами слабого существа названа "водой жизни" и прославляется как блаженство омывших одежду свою в крови Агнца: "они будут иметь власть над древом жизни". Сознание правильно прожитой жизни образует самый мощный внутренний стержень благородной, ответственной личности, которая, впитав это отношение к жизни в семье, переносит затем его на все остальные сферы деятельности. Изучая психику такого человека, Э. Фромм применил термин "продуктивная личность", подчеркивая ее психологическую устойчивость и здоровье даже в стрессовых ситуациях.

Рассмотренные здесь психологические механизмы работали задолго до XX века, до универсализации механизма денежной формы спроса. Так, уже за многие века до этого японская мораль не стремилась "переделать" человека, поскольку его чувство достоинства и благожелательность, справедливость и доброта, стремление к чистоте, уважение к старшим и другие черты закладывались уже в авторитарных семьях. Социальные деньги в функции накопления сокровищ выполняют эту роль в гораздо более сложной, созданной ими же ситуации огромного давления новых потребностей, мощного приоритета материальных и престижных благ в сознании людей. Неизбежный период "упоеания" вещами, услугами, нарушения многих прежних норм общества создали очень опасную ситуацию для формирования духовного мира молодежи. В нуклеарной семье XX века **рациональная "власть денег"** в итоге оказалась во многом противостоящей власти вещей и дурных желаний.

Заемное средство и "размножение" социальных денег

В этой функции деньги связывают вместе будущие доходы семьи и ее текущие потребности. Под будущие доходы сегодня берутся займы, обеспечивая немедленное приобретение дома, товаров и услуг длительного пользования, покрытие ряда текущих расходов. Величина будущих доходов капитализируется (т.е. приравнивается к

сумме денег, которая, будучи сегодня положена в банк, обеспечит поступления, равные потоку будущих доходов). Часть этих средств семья получает в кредит. Тем самым создается как бы **система предоплаты** будущих трудов человека.

Этот ресурс различен у отдельных людей в зависимости от их подготовки к будущей деятельности, от "работы" предыдущей функции денег (средство накопления сокровищ). В результате сложная, а тем более научно-техническая рабочая сила с перспективами высоких и устойчивых заработков получает иной доступ к кредитам: они *предвосхищают предстоящую реализацию трансформационных издержек и новой добавленной стоимости* на условиях передачи части последней финансовой организации, предоставляющей кредит.

Если функция накопления сокровищ связывает современное состояние человека и его семьи с его **прошлой** деятельностью, то заемные средства - с его **будущей** деятельностью, будущими доходами. Каждый сегодняшний момент оказывается связующим моментом взаимодействия обеих функций. Движение денег в них превращает **семейный бюджет** в нечто, похожее на **баланс корпорации**. С одной стороны, пассивы - долги банкам или дилерам за приобретенные товары со взносами погашения и с процентом за кредиты. С другой стороны, активы - накопленные семьей депозиты в банках, пенсионные, страховые и иные полисы, домашнее имущество, дающие известные доходы, и, главное, ежемесячные поступления заработной платы, пенсий или пособий, покрывающие стоимость потока приобретаемых товаров и проценты за полученный кредит. *Капитал как бы переделывает бюджет семьи "по своему образу и подобию"*. Новая семья переделывает экономику, очеловечивает ее, создавая не только цивилизованный способ потребления, но и цивилизованный способ производства, качественно новые условия труда и жизнедеятельности. Потребительский и ипотечный кредиты "размораживают" важнейшие потребности семьи, **позволяя удовлетворять их уже сегодня**, создают цивилизованные условия существования семей и усвоения культуры новыми поколениями. Тем самым фундаментально облегчаются условия социального развития человека.

Совсем нетрудно оценить значение всего этого (удобное жилье, индивидуальный транспорт, бытовая техника и т.д.) для формирования территориально мобильного, технически грамотного, активного и физически развитого работника. Человек, не способный действовать таким образом, получил у нас обидное прозвище "совка" со стороны людей, не осознающих, что без денег в определенной функции "с неба" эти качества не падают. Труднее воспринимается значение рассматриваемой функции денег для формирования важнейших **ценностных** ориентиров, моральных устоев и характеристик личности как члена общества, субъекта правовых и духовных отношений.

Функция денег как заемного средства - главная для формирования **семейной собственности**, обеспечивающей процессы внутрисемейного потребления и развития новых поколений свободных людей. Семейная собственность - прежде всего, собственность коллективной личности, служащая (в идеале) в первую очередь интересам самого "слабого" члена коллектива. Но вместе с тем это обособленная "индивидуализированная" собственность. Данное обстоятельство и отделяет собственность одной семьи от другой и объединяет семьи общностью целей в "соседские общины", коллективно заботящиеся о школах, борьбе с преступностью, благоустройстве и т.д.

Для новых поколений семейная собственность стала главным фактором, содействующим выработке нравственного **чувства уважения к чужой собственности**. Щемящее чувство нарушения прав собственности своей семьей обычно перекрывает дорогу подобным действиям в отношении чужой собственности. Многократные "испытания" этого уважения в различных ситуациях - эффективный путь формирования **чувства внутреннего достоинства человека**, его веры в себя и в других людей. Для старшего поколения формирование и функционирование семейной собственности означает добровольное взятие на себя долготлетних обязательств, принятие ответственных

решений, требующих на многие годы вперед жесткого соблюдения сроков платежей, серьезного отношения к своим служебным обязанностям, к прочности семейных отношений.

Безответственный, бесхарактерный и неуверенный в себе человек боится "влезать в долги". Любящий и ответственный относится к ним как к естественным и необходимым, подчиняя связанным с этим обязательствам свои поступки на многие годы. Но это уже не просто акт воли, а проявление укрепления **характера человека**, его способности систематически подчинять свои шаги определенным принципам, целям и социальным интересам. Возникает **массовый субъект местного самоуправления**.

Жизненную важность для каждой семьи, вовлеченной в столь сложные экономические отношения, приобретает проблема безусловного соблюдения прав человека (в частности в экономической сфере), **правовая культура** и гарантия надежной судебной защиты. Это становится возможно, поскольку гражданин **теперь противостоит произволу не в одиночку**. Юристы и средства мощных банков и страховых фондов естественно оказались на стороне своих клиентов и должников.

Широкое развитие кредита и массовое формирование пригородных поселков из семей с собственными домами, участками, машинами означает не только резкое ускорение процесса формирования средних слоев. Происходит расширение круга людей с **психологией земельных собственников**, заботящихся о ценности своих земельных участков (и расположенного на них имущества). Факты загрязнения среды и уничтожения земель уже не оставляют безразличным избирателя и гражданина. Забота о благоустройстве и защите местной природы неизбежно приводит к активной позиции в соответствующих общенациональных и международных делах.

Накопление в семьях долговых обязательств кардинально меняет отношение людей к своему здоровью, содействует пониманию **здоровья как основы богатства семьи и человека**, как главной гарантии реализации сил и средств, вложенных в свою подготовку, гарантии возможности получения и погашения необходимых кредитов. Поэтому так резко повышается оплата труда хорошего врача, развивается сфера качественного здравоохранения, становятся модными массовый спорт, разные виды здорового отдыха. "Дорогой человек", в которого вложена "прорва" забот и средств и которому еще предстоит ежемесячно погашать большую задолженность, не может позволить себе варварское отношение к здоровью. Курение, бездумная выпивка, дурные развлечения тоже "выходят из моды" и получают прописку в развивающихся странах, в маргинальных слоях общества. Возникают контуры **здорового образа жизни**, возрастает ее продолжительность.

Наконец, главное, эта функция денег кардинально меняет жизненные возможности, **положение и самооценку женщины**, существенно расширяя пространство ее саморазвития. Эпопея совместной покупки первого дома и освоения сложных условий его оплаты, работа со многими бытовыми приборами, самостоятельный контроль за учебой и жизнью детей, сложные социальные контакты в общине и, наконец, освоение всей системы "балансового" ведения домашних хозяйств и ежедневного принятия сложных решений - все это превращает женщину в уверенного в себе человека, знающего цену и себе, и своему огромному ежедневному труду.

Все (или почти все) экономические отношения семей приобретают кредитные формы, и сами деньги из якобы "живых денег" превращаются в действительно живые, а затем и в электронные кредитные карточки банков. В современной рыночной экономике эта функция денег становится доминирующей: **все покупается и продается в кредит**, семья оплачивает сегодняшние нужды доходами 2002-2010 годов. В административной же экономике в результате практического отсутствия кредита многое оказывается доступным ближе к пенсии, когда активная жизнь родителей почти прожита, а дети сформировались в нужде и в условиях всевозможных ограничений. Развитие человека задерживалось этим почти на поколение.

Деньги как средство накопления и как заемное средство совместно формируют **третью черту** социально развитой личности - стремление и умение воплощать свои жизненные интересы не за счет законных интересов и прав других людей. Ведь бесплатное получение квартиры, сложного медицинского обслуживания, курортного отдыха и лечения, дорогостоящего места в университете, фактически бесплатного метро, бесплатность высокопрофессиональных услуг и т.д. становятся возможными за счет огромной жилищной нужды других семей, недоступности для них качественной медицины и санатория, отсутствия дорог и автосервиса, недоступности хороших школ и мест в вузах, низкой оплаты труда специалистов и т.д. Кроме того, постоянное и привычное бесплатное получение благ *деформирует цивилизованную иерархию ценностей* у населения. Современная российская реформа во многом восстанавливает ее, но восстанавливает ценой многих бедствий, осквернения душ, действий и самоубийства многих людей.

Орудие интернационализации потребностей и равенства людей

Преобразующая роль социальных денег в функции мировых денег, безусловно, заслуживает более подробного рассмотрения. Здесь же отмечу лишь три ее проявления. Во-первых, это **интернационализация новых потребностей**. Интернационализация спроса на узловые товары всего комплекса этих потребностей превращает такие товары в мощное орудие конкуренции, легко "пробивающее" любые границы и захватывающие внутренние рынки. Экспорт "горячих товаров" (например автомобилей или электроники) дает огромные экономические преимущества странам, освоившим их выпуск на современном уровне.

Во-вторых, это **выработка доверия между государствами**. Сама система мирового рынка и ее основа (гигантское расширение кредита населению и задолженности банков, построенные на доверии, вырабатываемом развитием семей) крайне уязвима при серьезных международных потрясениях. Это стимулирует меры укрепления международного права и усиление интеграционных процессов. Там, где социальные функции денег наиболее развиты, образуются гигантские международные общие рынки (Западная Европа, Северная Америка). Там, где данные функции проявились еще недостаточно, сохраняются очаги межнациональных и религиозных конфликтов (Ольстер, Ближний Восток, бывшая Югославия и т.д.), попытки решать свои проблемы за счет прав других людей.

В-третьих, это формирование **интернационального равенства людей**, обладающих деньгами. Деньги и раньше, как никакие законы, стирали различия цвета кожи, языков и наречий, религий и национальностей у покупателей и клиентов. Теперь в странах, где они развиты, создаются сходные условия быта населения и жизнедеятельности городов, облегчается миграция и взаимопонимание людей.

Однако наибольшее значение функция мировых денег приобрела в "работе" новых, **электронных (информационных) денег**, которые отличаются от социальных так же кардинально, как последние от промышленных и административных.

Энергия развития и преобразования общества

Развитие социальных денег крайне важно для создания рыночной экономики, поскольку они **меняют "главный маршрут"** движения огромных денежных масс. Это пока не осмыслено. В обществе, где социальные деньги не развиты (например в современной России), основная масса денег движется внутри треугольника: **государство -> -> производители -> банки -> государство**. То, что при этом выплачивается семьям, оказывается вторичным, лишь отвлекающим деньги от основного движения. Административные капиталы и структуры все еще подчиняют себе конечного потребителя, воюют против чеков как неплатежей, принуждающих их работать на население.

Вместо превращения будущих долгов населения и банков в **социальный капитал** и прибыльную продукцию отраслей массового производства и услуг предлагается превращение **долгов государства** (путем распродажи за бесценку его лучших предприятий) в связанный с ним иностранный промышленный капитал. Бремя национальных долгов это не уменьшит, так как потеря ликвидности и риск должны быть компенсированы уж очень большими барышами. Напротив, чем масштабнее социальный капитал, тем больше семья перемещается в центр денежных потоков, **разрывая "переплетение" промышленных и банковских гигантов друг с другом и государством**. В этом случае производителю, чтобы заработать, нужно получить не "бесплатные деньги" от "заботливого" государства или кредит от "своего" банка, а реализовать качественный товар гражданину и его семье.

Сравните эти две структуры денежных потоков. Если в первой системе движения семья занимает место бедного родственника и финансируется "по остаточному принципу", остатками со "стола" государства, корпораций и банков, то во второй системе она уже:

- главный налогоплательщик и получатель средств из бюджета;
- главная статья расходов на производстве, главный потребитель товаров корпораций и главный инвестор;
- главный собственник общественных фондов и получатель их средств;
- главный источник новой добавленной стоимости, развития и укрепления всей экономики;
- главный собственник депозитов банков и получатель массового кредита, создающего новые, **"работающие" деньги**.

Анализ функций производственных денег еще в XIX веке показал, что они представляют собой огромный сгусток *экономической энергии*, движение которой определяет динамику промышленной деятельности общества. Анализ функций социальных денег XX века показывает, что они являются сгустком *огромной социальной и психологической энергии*, до предела активизируя и шаг за шагом цивилизуя, одухотворяя деятельность людей, развивая их сущностные силы. Конечно, и сегодня это содействие свободной самодеятельности, цивилизующей быт и одухотворяющей человека, в самых сложных сочетаниях переплетается с процессами отчуждения и бедствий человека, особенно в наименее экономически развитых странах, где и сегодня проживает большинство людей.

Принципиально новые возможности принесла новая ступень развития денег - **электронные деньги и информационный капитал**. Связь с ним (покупка его интеллектуальной продукции, ее материальное воплощение и продажа на мировых рынках), как показывает опыт КНР, открывает новые перспективы развития экономики и человека в самых трудных условиях. Но это - тема отдельной статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Брук И.С. Население мира. М., 1981.
- Васьчук Ю.А. "Дорогой человек" эпохи НТР // Мировая экономика и международные отношения. 1991. № 11.
- Васьчук Ю.А. Постиндустриальная экономика и развитие человека // Мировая экономика и международные отношения. 1997. № 9, 10.
- Васьчук Ю.А. Семья как экономическая "клеточка" производства спроса // Соревнование двух систем. М., 1990.
- Васьчук Ю.А. Социальное развитие человека в XX веке // Общественные науки и современность. 2001. № 1.
- Васьчук Ю.А. Социальные функции денег // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 2.
- Васьчук Ю.А. Теории трансформации экономики и общества // История экономических учений. М., 1998.

- Васильчук Ю.А.* Трансформация потребностей - развитие личности и общества // Полис. 1994. № 5.
- Васильчук Ю.А.* Эпоха НТР: конвейерная революция и государство // Полис. 1996. № 3.
- Васильчук Ю.А.* Эпоха НТР: новые основы массового производства и общество // Полис. 1996. №2.
- Гордон Л.А., Клопов Э.В.* Потери и приобретения в России девяностых. М., 2000.
- Иноземцев В.Л.* За пределами экономического общества. М., 1998.
- Иноземцев В.Л.* Расколота цивилизация. М., 1999.
- Козловский А.А.* Потребительский кредит в США. М., 1968.
- Нострадамус М.* Центурия I, катрен 58 // *Бёкль М.* Нострадамус. М., 1995.
- Путин В.В.* Не будет ни революций, ни контрреволюций. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. 2001. 4 апреля.
- Руис Х.* Книга благой любви. Л., 1991.
- Самохвалова В.И.* Человек и судьбы мира. М., 2000.
- Сталин И.В.* Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952.
- Стратегия развития государства до 2010 года // Коммерсантъ. 2001. 5 марта.
- Трахтенберг И.А.* Денежное обращение и кредит при капитализме. М., 1962.
- Урманов И.И.* Синергетические связи как новая модель организации производства // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 3.
- Цивилизационный процесс и социальные итоги развития США. М., 1993.
- Drucker P.F.* The Unseen Revolution. London, 1976.
- Gelbraith J.K.* Money. Whence it Came, Where it Went. New York, 1975.
- Gershuny J.* Social Innovation and Division of Labour. Oxford, 1983.